

Летят журавли

Бочко Никита Сергеевич
7 класс МБОУ Гимназия №1 «Юнона»
г.Волгодонск Ростовской области

Летят журавли, возвращаются после долгой зимы в родные края.
Радостно кричат. Я провожаю клин глазами и думаю о том, что не случайно 2020 год, год 75 – летия победы над фашистской Германией, объявлен Годом журавля. Ведь журавль на Руси издавна – символ погибшего солдата. Всем памятна песня на стихи Расула Гамзатова в трогательном исполнении Марка Бернеса:

«Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей...»

Мы не раз видим журавлиный клин в киноповести «Журавушка» по произведению Михаила Алексева "Хлеб — имя существительное". Это трогательный фильм режиссера Николая Москаленко о судьбе русской женщины, вынесшей все тяготы войны и всю жизнь ждавшей возвращения мужа. Образ журавля используется в основной фигуре мемориального комплекса в память о солдатах Великой Отечественной войны, погибших в кровопролитных боях подо Ржевом в 1942-1943 годах. Вся фигура человека в шинели, с опущенным автоматом как бы парит над землей, поддерживаемая стаяй белых журавлей...

Летят журавли, возвращаются в родные края. Я провожаю их взглядом и вдруг ловлю себя на мысли, что журавлиный клин по форме напоминает солдатский треугольник:

« Таким же клином, как у писем,
Тех, что с фронтов тяжелых шли,
Врезаются в тугие выси,
Крича и плача, журавли...»

Я листаю старый бабушкин альбом. Рассматриваю пожелтевшие фотографии незнакомых мне людей и вижу 2 солдатских треугольника. Они настолько выцвели, что текст читается с трудом. Это письма моего прадедушки Ожередова Федора Карповича. Он родился в 1897 году в селе Заветное Ростовской области. Рано осиротел, оказался в детском доме. Горя хлебнул немало. Вместе с женой Феодосией Григорьевной поселился в селе Кегульта Кетченеровского района Калмыцкой АССР. Федор Карпович и Феодосия Григорьевна мечтали о большой дружной семье и о счастье для своих девяти детей. Но сбыться мирным планам этой семьи помешала война. Один за другим стали уходить на фронт селяне. В конце января 1942 года Сарпинским РВК Федор Карпович был призван в ряды Красной

Армии и направлен в 101 стрелковый полк, который дислоцировался в Котельниковском районе. Вскоре семья получила от него весточку: *«Добрый день или вечер дорогая моя семья и знакомые. Разрешите вам передать свой пламенный привет и пожелать вам всего наилучшего в вашей жизни и сообщаю я вам, где я нахожусь в данное время. С 25.01 по 5.02 - хутор Небеков, станция Челикова, Сталинградская область, п.я. 46-15. В настоящее время нас обучают. Отправлять куда и когда - неизвестно. Как мое получите письмо, напишите скорее ответ.»* Вскоре пришло второе письмо: *« 1942 февраля 19 дня. Добрый день дорогое мое семейство и знакомые. Разрешите передать вам свой красноармейский привет. Сообщаю вам, что нахожусь на станции Котельниково. Получили обмундирование, отправляемся на фронт. Нам выдали полушубки, теплые валенки, теплые брюки, варежки, одеяло. Свои старые вещи я вам выслал в посылке со станции Челикова, детям пригодятся. Дорогое мое семейство, не горюйте. Значит наша судьба такая. Пока, дорогие, до свидания. С приветом, отец.»*

Я представил такую картину: морозный февральский день, железнодорожный вокзал, эшелоны с солдатами, ожидающими отправки на фронт. Суета, команды, слезы. И в этой суматохе невысокий коренастый солдат, потирая озябшие руки, пишет письмо родным. Даже не письмо, а коротенькую записку, полную теплоты, любви и заботы. Я решил внимательно изучить письма. На первом письме стоял обратный адрес: Сталинградская область, Котельниковский район, станция Челиково, хутор Небеков. Я посмотрел карту Волгоградской области, но ни станции, ни хутора с такими названиями на карте не было. Я подумал, что после войны их, возможно, переименовали. Изучил довоенную карту. Невдалеке от Котельниково нашел станцию Чилеково и хутор Небыков. И станция, и хутор на современной карте Волгоградской области есть. Думаю, что Федор Карпович просто ошибся с названиями. Ниже, под обратным адресом, стояла дата отправки – 5 февраля 1942 года. Я рассчитал расстояние между Кегультой и Чилеково. Оно составило 225 километров. Письмо шло 23 дня! Ответное письмо (я думаю, что его обязательно написали) своего адресата не нашло. Почему Федор Карпович не мог его получить? Как мы помним, второе письмо было написано 19 февраля, перед отправкой на фронт. Поэтому в адресе отправления указана станция Котельниково. На обратном штемпеле – Кегульта, 5/3-42 года.

Какая жестокая игра судьбы! Когда семья наконец-то получила первое письмо (28 февраля) и спешила обрадовать отца ответом, он уже четыре дня находился в госпитале. Ожередов Федор Карпович был направлен в 56 армию Южного фронта, которая в январе-феврале 1942 года вела оборонительные бои в районе реки Миус, севернее Таганрога. Разыскивая информацию о боевом пути 56 армии в феврале 1942года, я нашел на сайте

«Память народа» информацию из донесения о безвозвратных потерях, из которой следовало, что красноармеец Ожередов Федор Карпович пропал без вести 24.02.1942. Но судьба дала моему прадедушке шанс на жизнь. Его нашли тяжелораненого и обгоревшего, засыпанного снегом вперемешку с землей и эвакуировали в город Ростов. Раны были очень серьезными: ушибленная рваная рана височной и теменной области, ожог 2 и 3 степеней правого предплечья, бедер. Поэтому Федора Карповича поместили в эвакогоспиталь №1385, который предназначался для тяжелораненых. Если бы знала Феодосия Григорьевна о том, что муж в госпитале! Рядом, в соседней области. Всего 300 километров пути. Разве это расстояние для любящего сердца! Но семье не дано было об этом знать. Они в очередной раз перечитывали второе письмо, в котором говорилось об отправке на фронт и ждали нового, с почтовым ящиком, чтобы писать добрые ласковые письма отцу, которому в эти дни так нужна была поддержка семьи.

Март 1942 года. Летят журавли, возвращаются на свою израненную, истерзанную родину. Кричат, заставляя сжиматься сердца русских женщин. А в калмыцкое село Кегульта уже летит треугольник- клин с печальным известием. Почти месяц бились военные медики за жизнь Федора Карповича. Но его раны оказались несовместимы с жизнью. 20 марта он умер. Похоронили его на армянском кладбище в Ростове, в братской могиле.

Я несколько раз перечитал письма и понял, что заставляло наших солдат совершать подвиги – любовь к близким, своей Родине. Отправляясь на фронт, мой прадедушка думал не о своей судьбе, а о судьбе своих детей. Не узнал он, что в декабре 1942 года Феодосия Григорьевна получила еще один удар судьбы- извещение о том, что их сын, Ожередов Михаил Федорович, был убит в бою 24 декабря 1942 года в станице Милютинская Ростовской области.

После войны Феодосия Григорьевна вместе с детьми переехала в Ростовскую область, чтобы быть поближе к могилам родных людей. И всю свою жизнь хранила военные реликвии- 2 письма от мужа, извещение из госпиталя о его смерти, извещение о смерти сына Миши и фотографию, на которой вся семья в сборе. Фотография была сделана 22 апреля 1941года, за 2 месяца до начала Великой Отечественной войны. В тот день, день рождения В.И.Ленина, сына Ваню приняли в пионеры и семья решила запечатлеть это радостное событие.

А через 2 месяца начнутся проводы, ожидания, потери, слезы. Письма-треугольники, за ними извещения. Эти лежат почти нетронутые, а письма перечитываются, передаются из поколения в поколение, снова перечитываются.

О, треугольники косые

И боль, и соль моей земли,
Вы вдове сердце всей России
Углами острыми прожгли.
Истлели письма, пожелтели,
Всех букв теперь не разобрать,
Клин журавлиный в синем небе
Вам будет долго сердце рвать
И о родных напоминать.